

К в о п р о с у о р у с с к и х и
п о л ь с к и х
г р а м м а т и к а х XVIII в. к а к
у ч е б н и к а х п о т е о р и и
я з ы к а

Кожина, Алла

К вопросу о русских и польских грамматиках XVIII в. как
учебниках по теории языка

Slavistica Vilnensis, vol. 65, núm. 1, 2020

Vilniaus Universitetas, Lituania

Disponible en: <https://www.redalyc.org/articulo.oa?id=692474713004>

DOI: [https://doi.org/10.15388/SlavViln.2020.65\(1\).35](https://doi.org/10.15388/SlavViln.2020.65(1).35)

Esta obra está bajo una Licencia Creative Commons Atribución 4.0 Internacional.

К вопросу о русских и польских грамматиках XVIII в. как учебниках по теории языка

Russian and Polish Grammars of the 18th Century as
Textbooks on Language Theory

XVIII a. rusų ir lenkų kalbų gramatikos kaip kalbos teorijos
vadovėliai

Алла Кожина koshinstar@gmail.com

Белорусский государственный университет, Bielorrusia

 <https://orcid.org/0000-0002-5498-7037>

Slavistica Vilnensis, vol. 65, núm. 1, 2020

Vilniaus Universitetas, Lithuania

Recepción: 14 Mayo 2020
Aprobación: 22 Junio 2020

DOI: [https://doi.org/10.15388/SlavViln.2020.65\(1\).35](https://doi.org/10.15388/SlavViln.2020.65(1).35)

Redalyc: <https://www.redalyc.org/articulo.oa?id=692474713004>

Резюме: В статье рассматриваются способы представления проблем теории языка русских и польских грамматистов XVIII–начала XIX вв. В. Е. Адодурова, М. В. Ломоносова, А. А. Барсова, В. Шилярского, О. Копчиньского. Будучи первыми грамматиками на родном языке, их работы были инновационными для своего времени, оставаясь ориентиром и для следующего поколения русских и польских грамматистов вплоть до появления научной лингвистики в России и Польше. Приводятся данные о том, что рассматриваемые труды преследовали не только цель подробного описания системы русского и польского языков или обучения правильному употреблению единиц этой системы в речи, но и содержали теоретические сведения на уровне, во многом сопоставимом с уровнем современных лингвистических знаний. Это данные из области лингвистической типологии, представление о наличии у языка коммуникативной, когнитивной, номинативной и поэтической функций (без употребления соответствующих терминов), рассуждение о формах существования языка – письменной и устной, а также зачатки представлений о дихотомии языка и речи, сведения о природе языкового знака, включающие представления о его произвольности, а также о его семантике и прагматике, рассуждения об отношениях на фонетико-фонологическом уровне и идеи функционального синтаксиса. Проведенное исследование также позволяет сделать вывод о том, что грамматика XVIII в. являются отражением исторической ситуации, в которой создавался грамматический труд.

Ключевые слова: теория языка, польская лингвистика, русская лингвистика, учебники родного языка XVIII в., В. Е. Адодуров, М. В. Ломоносов, А. А. Барсов, В. Шилярский, О. Копчиньский.

Abstract: The article presents Russian and Polish grammarians' points of view (Vasily Adodurov, Mikhail Lomonosov, Anton Barsov, Walenty Szylarski, Onufry Kopczyński) on considering language theory issues and how they described them in their works written in the 18th and early 19th centuries.

The grammars under consideration were aimed not only at a detailed description of the Russian and Polish languages or teaching the correct language usage; in addition, they contained some theoretical information given in a manner that is comparable with modern linguistic knowledge. That information lay in the field of linguistic typology. It was also assumed that a language could acquire communicative, cognitive, nominative, and poetic functions (the appropriate terms were not used at that time). Besides, the issues concerning the forms of language existence – written and oral, as well as the dichotomy of language and speech, the nature of a language sign, including the ideas about

its arbitrariness, its semantics and pragmatics were raised. Additionally, interesting discussions about sign relations at the phoneticphonological language level, as well as some ideas of functional syntax were initiated. The results of the study lead to the conclusion that the grammars of the 18th century were a reflection of the historical situation in which this grammatical research was done.

Keywords: language theory, Russian linguistics, Polish linguistics, 18th century, Vasily Adodurov, Mikhail Lomonosov, Anton Barsov, Walenty Szyliarski, Onufry Kopczyński.

Summary: Straipsnyje nagrinėjami XVIII–XIX a. pradžios rusų ir lenkų gramatikų autorių: V. J. Adodurovo, M. V. Lomonosovo, A. A. Barsovo, V. Šiliarskio, O. Kopčinskio kalbos teorijos pristatymo būdai. Būdami pirmosiomis gimtosios kalbos gramatikomis, jų darbai buvo naujoviški, į juos orientavosi kiti rusų ir lenkų gramatikų kūrėjai iki mokslinės kalbotyros atsiradimo Rusijoje ir Lenkijoje. Straipsnyje pateikiama duomenų, liudijančių, kad nagrinėjamų darbų tikslas buvo ne tik detalai aprašyti rusų ir lenkų kalbų sistemas arba išmokyti tinkamai vartoti šių sistemų vienetų. Šiuose vadovėliuose pateikiamos teorinės žinios dažnai atitinka šiuolaikinių lingvistinių žinių lygį. Vadovėliuose randame duomenų iš lingvistinės tipologijos srities, pateikiama kalbos komunikatyvinės, kognityvinės, nominatyvinės funkcijų suvoktis (žinoma, nevarojant šių terminų), samprotavimų apie kalbos egzistavimo formas – sakytinę ir rašytinę, taip pat kalbos ir šnekos dichotomijos suvokimo užuomazgų, duomenų apie kalbos ženklo prigimtį, įskaitant jo atsitiktinumą, bei jo semantiką ir pragmatiką, minčių apie fonetikos ir fonologijos santykį, funkcinės sintaksės idėjų. Tyrimas leidžia daryti išvadą, kad XVIII a. rusų ir lenkų gramatikos atspindi istorinę to meto, kai jos buvo sudarytos, situaciją.

Keywords: kalbos teorija, lenkų kalbotyra, rusų kalbotyra, XVIII a. gimtosios kalbos vadovėliai, V. J. Adodurovas, M. V. Lomonosovas, A. A. Barsovas, V. Šiliarskis, O. Kopčinskis..

1. Введение

Можно с определенной долей уверенности утверждать, что грамматики в европейской культуре вплоть до XIX в. являются основным продуктом лингвистической мысли и одновременно ее распространителем. В настоящей статье рассматривается несколько русских и польских грамматик XVIII в., поскольку именно этот период стал переломным в создании подобных трудов и, соответственно, в развитии языкознания. Целью данного исследования является попытка наметить точки соприкосновения между русскими и польскими грамматиками XVIII в. в отношении ряда идей и воззрений, сближающих их с трудами по лингвистике нового времени. Несмотря на значительное число работ по грамматикам XVIII в. в русистике и полонистике, исследование общих теоретических посылок в них представляется актуальным и перспективным для исторического языкознания и предполагает дальнейшее развитие.

Лингвистические традиции Речи Посполитой и Российской империи в сфере создания грамматик родного языка существенно различались. В польской библиографии, составленной Б. Отиновской, Л. Пщоловской и Я. Пузыниной, в период с XV в. до середины XVIII в. называется 95 грамматических трудов [Мауерова 1955, 33–48]; по мнению других исследователей, количество грамматик по крайней мере в XVII в. представлено не 48, а 12 единицами [Zwoliński 1956, 253]. В России в этот период количество

грамматик гораздо меньше: “Доломоновские грамматики русского языка вообще насчитываются единицами, причем все известные до сих пор грамматики написаны на иностранных языках” [Успенский 1975, 7]. Ответ на вопрос о причинах расхождения хорошо известен — появлявшиеся до конца XVII в. труды были описаниями церковно-славянского языка, и только вышедшая в 1696 г. грамматика Лудольфа изменила ситуацию. Тем не менее, традиция описания языкового материала существовала как в Западной, так и в Восточной Европе, что в XVIII в. привело к появлению и в Польше, и в России грамматических трактатов, в которых конкретные сведения о родных языках сопровождались общелингвистическими рассуждениями, сопоставимыми с современными.

В данной статье анализируются идеи по теории языка, представленные в следующих грамматиках:

- русские грамматики:

1. сохранившаяся в рукописи 1738 г. первая рукописная грамматика русского языка, авторство которой приписывается В. Е. Адодурову [Адодуров 1738];
2. „Российская грамматика” М. В. Ломоносова 1755 г. [Ломоносов 1952];
3. две грамматики А. А. Барсова: опубликованные в 1773 г. „Краткие правила российской грамматики” (по 7-му изд. 1793 г.) [Барсов 1793] и рукописная „Российская грамматика” (1783–1788).

- польские грамматики:

1. последнее произведение В. Шилярского „Początki nauk dla narodowej młodzieży” [Szylarski 1770], автора первой грамматики на польском языке;
2. работы одного из самых ярких ученых-дидактиков О. Копчиньского: методические рекомендации для учителей „Układ Gramatyki dla szkół narodowych z dzieła już skończonego wyciągniony” [Kopczyński 1785] и опубликованная после смерти автора в 1817 г. „Gramatyka języka polskiego” [Kopczyński 1817].

Как многие деятели эпохи Просвещения, создатели русских и польских грамматических трудов были энциклопедистами. Для В. Е. Адодурова (1709–1780) труды на ниве русской лингвистики являлись, как представляется, делом побочным: он был адъюнктом по кафедре высшей математики, переводчиком, герольдмейстером, куратором Московского университета, преподавал русский язык будущей императрице Екатерине II и это далеко не полный перечень его занятий (подробнее см. [Макеева 1974]). Энциклопедизм М. В. Ломоносова не нуждается в представлении. Хотя основные теоретические постулаты лингвистики со времен Ломоносова претерпели изменения, однако и сейчас лингвист находит в его “Российской

грамматике” немало интересного. Не менее примечательны идеи А. А. Барсова (1730–1791), участвовавшего в работе над Словарем Академии Российской: будучи магистром философии и свободных наук, переводчиком, профессором кафедры красноречия Московского университета, а также председателем общества любителей учености и почетным членом Латинского общества в Вене, Барсов преподавал курсы математики, грамматики, риторики и поэзии (см. [Успенский 1981, 3–31]).

Онуфрий Копчиньский (1735–1817) справедливо признается основоположником польской лингвистики в ее современном понимании. Вступив в семнадцатилетнем возрасте в орден пиаристов, он полжизни преподавал в школах ордена, был членом различных научных и общественных организаций, автором латинских стихов и грамматических сочинений (см., в частности, [Rospond 1971; Klemensiewicz 1976, 196 и далее]). Другой польский грамматист — Валентин Шилярский (ок. 1735–после 1770), о жизни которого известно немного, был магистром *artes liberales*, доктором философии, профессором церковной риторики Ягеллонского университета, учителем и теоретиком орфоэпии в краковских монастырских школах (см. [Rudnicki 1921, 19; Skulski 1936, 558–560; Klemensiewicz 1976, 292 и далее]).

Перечисленные выше грамматики создавались в различных исторических условиях. Для Ломоносова, жившего в эпоху просвещенного абсолютизма Екатерины Великой, когда Россия вошла в число великих европейских держав, причиной для изучения русского языка является тот факт, что он по красоте не уступает другим европейским языкам и не хуже их может обслуживать все стороны жизни человека [Ломоносов 1952, 391]. Обоснование пользы от изучения русского языка было необходимо Ломоносову в его борьбе с иностранным влиянием в науке. Поддержка в этом позже обнаруживается у Барсова:

“Ученые люди о правильном знании природного языка не меньше рассуждают, как и о довольном сведении чужестранных. Причину сему полагают сию, что иной, стремясь к иностранному языку, наносит своему несносное бесславие, обезображая его или бессилием, или недостатком в изображении наших мыслей...” [Барсов 1793, 8].

Грамматика же Шилярского выходит из печати в 1770 г. в совершенно иной исторической ситуации — в тот год, когда Фридрих II предложил Екатерине разделить Речь Посполитую между тремя государствами и за два года до того, как этот раздел был осуществлен. Возможно, поэтому уже в самом названии польский язык предстает как инструмент познания других языков:

“to jest Gramatyka języka polskiego ucząca, a tym samym pojęcie obcych języków jako łacińskiego, francuskiego, niemieckiego, włoskiego i innych ułatwiająca” (Это грамматика, обучающая польскому языку, а тем самым понятие чужих языков, как то латинского, французского, немецкого, итальянского и других облегчающая). (Szyllarski 1770, PP).

Во “Введении” к этой грамматике имеется показательное упоминание факта, который не нуждался бы в констатации, если бы не возросшая угроза существованию языка и народа:

“ponieważ język Polski jest jeden z żywych (bo jest naród, który nim mówi) ...” (Поскольку польский язык является одним из живых (ведь есть народ, который на нем говорит)...) (Szylarski 1770, X).

В грамматике же, вышедшей после смерти О. Копчиньского, когда Польша уже давно была разорвана на части, язык, помимо всего прочего, предстает средством сохранения исторической памяти об исчезнувших народах:

Dwa słynne przykłady Greków i Rzymian nie dadzą nam rozpaczć o nieśmiertelności naszego imienia. Wymazane są z Jeograficznej karty dwa te najslawniejsze narody, a imię ich w porządku historii politycznej i moralnej błyszczy przed wszystkimi. Cóż im tę sławę zjednało? Język (Два славных примера греков и римлян не дадут нам впадать в отчаяние при мысли об бессмертии нашего имени. Смыты с географической карты эти два выдающихся народа, а имя их в политической и моральной истории сверкает ярче всех других. Что же принесло им эту славу? Язык!) [Korczyński 1817, 7].

Все названные выше грамматисты предполагали, что их лингвистические труды принесут практическую пользу в деле обучения родному языку, однако в их учебниках нашлось место и для вопросов лингвистической теории, на которую они опирались при решении конкретных практических вопросов.

2. Типологический параллелизм в русских и польских грамматиках XVIII в.

Фонетика и орфография — наиболее благодарная область для типологических параллелей, что отразилось практически во всех грамматиках XVIII в. Так, В. Адоуров, рассуждая о различии . и ., приводит данные не только греческого, но и латинского, французского, немецкого и итальянского языков [Адоуров 1738, 116–117]. У Барсова также находим рассуждения подобного рода [Барсов 1783–1788, 88]; у него же обращает на себя внимание тонкое типологическое обоснование ненужности для русского правописания финального .:

“...дебелое окончание хотя все европейские языки древние и новые в бесчисленном множестве слов имеют, однако ж для означения его никакого особливого начертания не употребляют: потому что оно как природное и общее всем согласным буквам в них самих содержится”¹ [Там же, 54].

Типологические элементы пронизывают грамматические рассуждения Ломоносова, ср. умозаключение во фрагменте о числах и падежах существительного:

“Все сии, от §54 до сего, свойства имен суть общи всем языкам, затем что в самой натуре свое основание имеют. Прочие многие, понеже от случая и от собственной склонности каждого народа происходят, не всем общи. Например, увеличительные имена, представляющие вещь огромную, отменою окончания коренного имени у россиян и у итальянцев весьма многие производятся: casa, casaccia, casone; дворъ, дворина, дворище. Напротив того, немцы и французы таковых имен не имеют. Подобным образом умалительных имен, как дворикъ, платище, дѣвушка. не во всяком

языке равное довольство. Российский и итальянский весьма оными богаты, немецкий скуден, французский еще скуднее” [Ломоносов 1951, 412],

а также рассуждение о глагольных временах в различных языках:

“Пристойно кажется, чтобы бездушным вещам быть ни мужеского, ни женского, но некоего третьего рода, каков есть у нас род средний: море, небо, сердце, поле. Однако сие так беспорядочно, что и среднего рода имена животных знаменуют: дитя, жеребя. Хотя разделение родов во многих языках употребительно, однако слову человеческому нет в том необходимой нужды. Сие явствует, первое, из того, что они беспорядочны, как выше показано; второе, многие языки только мужеский и женский род имеют, как итальянский и французский; третье, в некоторых языках весьма мало отмены или отнюд нет никакого родов разделения. Так, в аглинском языке роды едва различаются и то в некоторых местоимениях. У турков и персов имена все одного общего рода” [Ломоносов 1951, 413].

Любопытно, что Ломоносов проводит мысль не только о типологическом сходстве, но и о заимствовании грамматических значений и грамматических форм: ср. о двойственном числе:

“В славенском языке двойственное число его ли есть свойственное или с греческого насильно введенное, о том еще исследовать должно” [Ломоносов 1951, 411],

об образовании превосходной степени прилагательного:

“Новые превосходные, с польского языка взятые, с приложением наи: наилутчій, наичистѣйшій российскому слуху неприятны” [Ломоносов 1951, 467].

Польский грамматист О. Копчиньский рассуждает над языковой типологией в аспекте универсализма, в чем можно обнаружить отражение идей Бэкона и Декарта, а также “Всеобщей и рациональной грамматики Пор-Рояля” А. Арно и К. Лансло [ср. Florczak 1978, 210]:

“Wszystkie tedy języki ludzkie są w czemsiś sobie podobne, a w czemsiś od siebie różne... Wiadomości jednemu językowi szczególne, dobrze poznane, czynią Gramatykę szczególną, to jest jednego języka: właściwości pospolite, wszystkim językom służące, poznane przez porównanie języków, czynią Gramatykę powszechną, to jest Gramatykę mowy ludzkiej” (Все языки людские в чем-то похожи друг на друга, а в чем-то различаются... Особенности, частные для одного языка, хорошо познанные, составляют частную Грамматику, то есть, одного языка; особенности общие, всем языкам служащие, познанные через сравнение языков, составляют общую Грамматику, то есть, Грамматику человеческого языка²) [Корпачевский 1785, 12].

Попытку перенести закономерности чужого языка на свой для доказательства истинности суждения обнаруживаем и у В. Шилярского:

“...zgadzanie Adiektywów z Substantywami we wszystkich prawie językach nie na tym zasadza się, aby podobnie były zakończone, owszem takie zgadzanie jest naganne, ... bo ktoż by przyznał, iż to jest dobre zgadzanie w języku łacińskim bona Poeta albo durus bumus, a nie raczej bonus Poeta, dura bumus? Tak i w polszczyźnie można, i owszem potrzeba mówić: wielką łaskę, a nie wielkę łaskę ani też wielką łaską mi czynisz” (...согласование Адъективов с Субстантивами

во всех почти языках не на том основывается, чтобы они имели одинаковое окончание, более того, такое согласование предосудительно,... поскольку кто бы счел хорошим согласованием в латинском языке *bona Poeta* или *durus bumus*, а не *bonus Poeta, dura bumus*? Так и в польском языке можно и даже нужно говорить: *wielką łaskę*, а не *wielkę łaskę*, и не *wielką łaską mi czynisz*” [Szylarski 1770, XII].

3. Функции языка в представлениях русских и польских грамматистов

Уже в первой русской грамматике В. Адодунова в кратком определении слова представлены две **основные функции языка** — **коммуникативная и когнитивная**:

“Слово называется самое простое изображение, которое в речи для изъявления наших мыслей употребляется# [Адодунов 1738, 122].

В расширенном виде эти функции описаны в первом наставлении “Русской грамматики# М. В. Ломоносова (“О человеческом слове вообще#), предваряющем описание системы русского языка:

коммуникативная функция —

“...если бы каждый член человеческого рода не мог изъяснить своих понятий другому, то бы не токмо лишены мы были сего согласного общих дел течения, которое соединением разных мыслей управляется, но и едва бы не хуже ли были мы диких зверей, рассыпанных по лесам и по пустыням” [Ломоносов 1952, 394],

и когнитивная функция —

“Польза его толь велика, коль далече ныне простираются происшедшие от него в обществе человеческом знания, которые весьма бы тесно ограничены были, если бы каждый человек воображенные себе способом чувств понятия только в собственном своем уме содержал сокровенны” [Там же].

У В. Шилярского когнитивная функция представлена в самой трактовке языка как основного инструмента познания:

“Tym albowiem sposobem łatwo nabywamy wiadomości rozlicznych rzeczy, które z ciężką pracą inni wynaleźli” (Ибо тем способом легко приобретаем знания о различных вещах, которые тяжким трудом обнаружили другие) [Szylarski 1770, I].

В грамматиках О. Копчиньского в первую очередь внимание обращено на коммуникативную функцию:

“Związek ludzi w jednym Narodzie, i związek Narodów z sobą, zawisi od rozumienia się wzajemnego. Srodkiem do zrozumienia się wzajemnego jest mowa” (Связь людей в составе одного народа и связь народов друг с другом зависят от взаимопонимания. Средством взаимопонимания является речь) [Kopczyński 1785, 11],

на основании чего автор, как и современные лингводидактики, указывает на необходимость не только теоретического, но и коммуникативного обучения языку:

“Na jedno zapytanie, jak się uczyć trzeba wszelkiego języka? Dwie mamy odpowiedzi: jedną od mniemanych Gramatyków, że przez reguły; i drugą od przyrodzenia, przez wszystkie wieki, i od wszystkich narodów jednoznacznie trzymaną, że przez używanie języka” (На один вопрос: как нужно обучаться любому языку? У нас есть два ответа: один от грамматистов, что обучаться нужно по правилам; и второй, полученный из опыта, который поддерживается однозначно во все века и у всех народов, что путем использования языка) [Ibidem, 15].

Подобные требования к обучению уже родного языка есть и у В. Шилярского:

“...rodowitego języka nabyć znajomości częścią przez wyrażone w tej Książce początki, częścią przez czytanie czystych pism Polskich, częścią przez konwersację z dobrze mówiącymi” (...родной язык познать частично при помощи представленных в этой Книге начал, частично при помощи чтения чистых [грамотных – А.К.] произведений польских, частично путем бесед с хорошо говорящими) [Szyllarski 1770, VI].

Сравнение теоретического и коммуникативного обучения языкам находим и у А. А. Барсова, однако, с предостережением от абсолютизации коммуникативного подхода:

“Правда, что из одного употребления обучающиеся изобилуют словами, или называемыми вокабулами; но сие их в сем случае мнимое богатство желаемого прироста не приносит. Разумеют они то только, о чем ежедневно рассуждается...” [Барсов 1793, I].

Здесь уже усматривается подход к представлению связи языка и мышления, что поддерживается рассуждением о пользе грамматики для развития ума:

“Грамматическое обучение языков весьма нужно и полезно. От такого правильного учения... сие получают дети немечтательное благо, что сверх изощрения памяти от разумного и ясного толкования правил самый разум их изощряется и нечувствительно готовится к восприятию высших словесных Наук” [Там же].

И, наконец, Барсов представляет когнитивную функцию непосредственно:

“Говорить не что иное есть, как мысли свои другому изъяснять помощью слова. А писать значит те же мысли сообщать посредством принятых букв в каком-либо языке” [Там же, II].

В данном случае можно говорить и о **формах реализации коммуникативной функции** — разделении на устную и письменную формы существования языка. У О. Копчиньского же обнаруживается указание даже на три формы существования языка:

“Pierwsza wpadnie w oczy powierzchowność języka, czyli mowa ustna, druga wewnętrznosc tej mowy, czyli znaczenie, trzecia, ręczne tej mowy malowanie” (Первой бросается в глаза наружность языка, то есть, устная речь, второй — внутренняя часть этой речи, то есть, значение, третьей — ручное этой речи изображение) [Korczyński 1817, 8].

Интересно, однако, не данное разделение, а то, что в трудах О. Копчиньского есть зачатки рассуждений о **дихотомии языка и речи**

в виде указаний на существование в языке двух планов: чувственного (материального) и конкретного vs. ментального (идеального) и социального:

“Przykłady języka są rzeczą zmysłową i szczególną; reguły języka są rzeczą umysłową i powszechną” (Примеры языка являются вещью чувственной и частной: правила языка являются вещью умственной и общей) [Korczyński 1785, 28].

Что же касается когнитивной функции языка, то у того же автора оба учебника пронизаны размышлениями о **связи языка и мышления** как связи материальной оболочки и идеального наполнения:

“Toć Mowa jest obrazem czyli znakiem myśli. W Mowie tedy są dwie istotne części, które Gramatyk uważać powinien: pierwsza, słowo, jako znaki, druga, myśli, jako rzecz znaczone przez słowa. Pierwsza część jest powierzchowna czyli zmysłowa, druga jest wewnętrzna czyli umysłowa: pierwsza jest niby ciałem, druga niby duszą mowy” (Итак, Речь является образом, то есть знаком, мысли. И тогда в Речи есть две важные части, на которые Грамматист внимание обращать должен: первая — слово как знак, вторая — мысли как вещь, обозначаемая словом. Первая часть — внешняя, то есть, чувственная, вторая — внутренняя, то есть умственная: первая как бы является телом, вторая — душой речи) [Ibidem, 10].

Следует обратить внимание на выделение **поэтической функции** в смысле Р. Якобсона в предисловии к ломоносовской “Русской грамматике”, где говорится о достоинствах русского языка:

“великолепие испанского, живость французского, крепость немецкого, нежность итальянского, сверх того богатство и сильную в изображениях краткость греческого и латинского языка” [Ломоносов 1952, 391].

О **номинативной функции языка** говорит фрагмент из того же предисловия:

“Тончайшие философские воображения и рассуждения, многообразные естественные свойства и перемены, бывающие в сем видимом строении мира и в человеческих обращениях, имеют у нас пристойные и вещь выражающие речи” [там же].

4. Семиотическая проблематика

4.1. Общесемиотические представления. От представления связи языка и мышления — один шаг к представлению семиотических проблем, и этот шаг делает О. Копчинский:

“Między słowami a myślą, jako między znakiem a rzeczą znaczoną musi być pewny a ścisły związek” (Между словами и мыслью, как между знаком и обозначаемой вещью, должна существовать определенная и тесная связь) [Korczyński 1785, 11].

Его представление о слове как о языковом знаке, отражающем идеальную мыслительную сущность, практически не отличается от современного:

“Myśl jest obrazem rzeczy: mowa jest obrazem myśli. Myśl złożona jest z wyobrażeń: mowa złożona jest z wyrazów: toć każdy wyraz w mowie odpowiada wyobrażeniu w myśli” (Мысль является образом вещи: речь является образом мысли. Мысль состоит из идей: речь состоит из слов: поэтому каждое слово в речи соответствует идее в мысли) [Ibidem].

Подобное представление появилось у Копчиньского, очевидно, под влиянием идей Дж. Локка, ср. “...в своем первичном или непосредственном значении слова обозначают только идеи, имеющиеся в уме того человека, который пользуется словами” [Локк 1985, 426]. Однако из этого высказывания “отца семиотики” следует, что он считал весь процесс взаимодействия человека и языка происходящим по идеальную сторону границы, полагая, что слова используются как понятийные символы для выражения идей, а идеи, ими выражаемые, и есть их подлинное и непосредственное наполнение. Как представляется, польский языковед идет дальше, связывая и слова, и мысли с общественной практикой:

“Jak słowa, tak i myśli, mają własności swoje, mają względy czyli stosunki jak do siebie wzajemnie, jako do społeczności ludzkiej” (Как слова, так и мысли, имеют свои особенности, имеют зависимости, то есть отношения, как между собой, так и по отношению к людскому сообществу) [Korczyński 1785, 11].

В приведенном высказывании он, по сути, устанавливает семантику языкового знака в сосюрвовском понимании, а также его прагматику. Следует отметить, что для обозначения данной двусторонней единицы именно Копчиньский вводит в польскую лингвистику термин *wyraz* [Karpluk 1991–1992, 125; Czelakowska 2009, 69].

4.2. Графико-фонетический и фонемный уровни. В иных рассматриваемых грамматиках семиотические идеи, выраженные не столь явно, также присутствуют. Так, знаковые отношения в установлении связи между звучащей речью и ее графическим представлением устанавливаются, напр., у В. Адодурова, ср. рассуждение, соответствующее современному представлению о произвольности языкового знака:

“Знаки, которыми человеческая речь в письме изображается, называются письмена или литеры, они сами по себе никакого сходства с теми звуками или гласами не имеют, из которых слова составляются, но сие знаменование придано им от одного токмо согласия, или произволения людей” [Адодуров 1738, 94].

Подобное представление фонетико-фонологической стороны языка со стороны ее графического выражения характерно для всех грамматистов XVIII в. Так, В. Шилярский, объясняя строение слова, пишет:

“Sylaba składa się z jednej, lub więcej liter razem wymawiających się, np. O-po-wja-dacz. Litery są znaki potrzebne do formowania sylab i słów” (Слог складывается из одной или более букв, вместе произносящихся, например, О-po-wja-dacz. Буквы — это знаки, необходимые для формирования слогов и слов) [Szylarski 1770, 1].

Рассуждая далее о буквах (звуках) и о проблемах мягкости, он приводит по сути минимальные пары фонологических оппозиций:

“Po inszych zaś literach, jako: b, c, m, n, p, s, w, niekiedy i lub j, niekiedy Greckie y trafia się, co poznawać trzeba z wymawiania, gdy się bowiem delikatnie mówi, i lub j; gdy grubo, y pisać się zwykło, np. bił, był, syna, Łacina, my, mi, pył, pił, posyłam, posilam, wyje, wije” (А после других букв, как то: b, c, m, n, p, s, w, иногда i или j, а иногда Греческое y попадает, что узнавать необходимо по произношению, когда деликатно произносится — i или j; когда грубо, y писать принято, например, bił, był, syna, Łacina, my, mi, pył, pił, posyłam, posilam, wyje, wije) [Ibidem, 15].

Что касается русских грамматик, то в фонетических рассуждениях о голосе Ломоносов разделяет языковые звуковые характеристики и характеристики, присущие человеческому голосу от природы (ср. современные характеристики — высота, долгота, сила звука):

“Выходка возношением и опущением, протяжение долгою и краткостию, напряжение громкостию и тихостию сколько различия в голосе производят” [Ломоносов 1952, 396],

а также:

“Образование состоит в отменах голоса, которые от повышения, напряжения и протяжения не зависят. Такие изменения примечаем в сиповатом, звонком, тупом и в других голосах разных. Отмена их коль многочисленна, из того видеть можем, что из великого множества знакомых людей каждого узнаем по голосу, в лице не видя” [Там же].

Ломоносов обращает внимание на смысловозначительную функцию долготы в некоторых языках:

“протяжение не токмо не совсем истребилось, но и некоторую разницу причиняет между речениями одного выговора, например: у немцев Stall краткое значит конюшню, Stahl долгое – сталь” [Там же, 404].

Несмотря на представление о существовании “неразделимых частей слова” (что соответствовало бы современному представлению о фонеме), Ломоносов именует эти части буквами, не проводя строгого различия буквы и звука [Ломоносов 1952, 398]. Представление об элементарных, далее не делимых единицах мы встречаем также у Барсова:

“Буква, или литера, есть известный знак, изобретенный для изображения нераздельного голоса” (Барсов 1793, 6)

4.3. Синтаксический уровень. Основное семиотическое отношение между мыслью и способом ее выражения находит отражение в синтаксических разделах грамматик, ср. у Ломоносова:

“Сложение знаменательных частей слова, или речений, производит речи, полный разум в себе составляющие чрез снесение разных понятий” [Ломоносов 1952, 418].

Далее в синтаксических рассуждениях можно усмотреть черты функционального синтаксиса, например, развертывание

структурной схемы предложения в речи: от простейшего выражения субъекта и предиката —

“Вещь иметь должна прежде свое бытие, потом деяния. Того ради между речениями, речь составляющими, первое место иметь должно имя, вещь знаменующее, потом глагол, изъявляющий оныя вещи деяние” [там же] —

через заполнение обязательной валентности —

“Предложенный вещи деяние относится к другой и на оную действует или в ней самой остается. В первом случае требуется для наполнения разума другой вещи именование, напр.: облаки покрыли небо. Во втором случае довольно одного имени, и для того земля тучнѣть даст довольный разум” [там же] —

и далее к введению в получившееся высказывание атрибутов и сирконстантов —

“Вещей и деяний свойства и обстоятельства умножают наши понятия и названиями их речь распространяют” [там же].

Подобные идеи встречаем и у Барсова в представлении распространения “термина”, под которым грамматист понимает подлежащее или сказуемое:

“Но термин описанный составляется вообще через приложение к простому термину какого-нибудь другого слова для тончайшего его означения, на пр., к какому он роду вещей принадлежит; для объяснения, ограничения, распространения, уважения или украшения его; для показания качества, способа, средства орудия, предмета, причины, действия, обстоятельства времени или места и проч., которые и называются описаниями того термина” [Барсов 1783–1788, 157].

У него же можно обнаружить фрагменты, предвосхищающие идею актуального членения предложения:

“Намерение же сие вообще состоит в старании отдалить противную особливо одному известному из тех речений мысль и чрез то самое изъявить иногда какую-либо страсть или движение сердца. Оно, впервых, изъявляется постановлением такого выразительного речения в самом начале речи; причем прочие слова того ж самого предложения по вольности особенного порядка в словосочинении разными образами располагаются, на пр. Я говорил тебе или Я тебе говорил } т. е. не иной кто. Тебе я говорил или Тебе говорил я } т. е. не иному кому. Говорил я тебе или Говорил тебе я } т. е. не умолчал” [Там же, 164].

5. Заключение

В статье представлены некоторые воззрения выдающихся русских и польских грамматистов XVIII в. на языковую систему и принципы ее изучения. Безусловно, их идеи лежат в границах философских и лингвистических представлений того времени, однако многие из них не потеряли актуальности и сегодня. К таковым можно отнести использование данных из области лингвистической типологии, представления о наличии у языка коммуникативной, когнитивной, номинативной и поэтической функций (без употребления соответствующих терминов), рассуждения о письменной и устной

формах существования языка, а также зачатки представлений о дихотомии языка и речи. Кроме того, это мысли о природе языкового знака, включающие соображения о его произвольности, о его семантике и прагматике, а также интересные рассуждения об отношениях на фонетикофонологическом уровне языка и идеи функционального синтаксиса. Все эти идеи получили дальнейшее развитие в современной лингвистической теории.

Библиография

- АДОДУРОВ, В. Е., 1738. [Грамматика] = In Успенский, Б. А., 1975. Первая русская грамматика на родном языке (Доломоновский период отечественной русистики). Москва: Наука, 92–127.
- БАРСОВ, А. А., 1783–1788. Российская грамматика = In Успенский, Б. А. (ред.), 1981. “Российская грамматика” А. А. Барсова. Москва: Издательство Московского университета
- БАРСОВ, А. А., 1793. Краткие правила российской грамматики, собранные из разных российских грамматик в пользу обучающегося юношества в гимназиях Императорского Московского университета. Издание седьмое с умножением и прибавлением. Москва: Вольная типография у Христофора Клаудия.
- ЛОМОНОСОВ, М. В., 1952. Российская грамматика. In Ломоносов, М. В. Полное собрание сочинений, Т. 7: Труды по филологии 1739–1758 гг. Москва; Ленинград: Издательство АН СССР, 389–578.
- МАКЕЕВА, В. Н., 1974. Адъюнкт Академии наук В. Е. Адодуров. Вестник АН СССР, 1, 110–118
- УСПЕНСКИЙ, Б. А., 1975. Первая русская грамматика на родном языке (Доломоновский период отечественной русистики). Москва: Наука.
- CZELAKOWSKA, A., 2009. Definicje wyrazu a opisy gramatyczne w podręcznikach języka polskiego XIX wieku. In Skarżyński M., Czelakowska A. (red.), Język z różnych stron widziany. Kraków: Księgarnia Akademicka, 69–77.
- FLORCZAK, Z., 1978. Europejskie źródła teorii językowych w Polsce na przełomie XVIII i XIX wieku: studia z dziejów teorii języka i gramatyki. Kraków: Zakład Narodowy im. Ossolińskich.
- KARPLUK, M., 1991–1992. Do genezy polskich terminów gramatycznych: wyraz. Roczniki humanistyczne. XXXIX–XL, 6, 123–131.
- KLEMENSIEWICZ, Z., 1976. Historia języka polskiego. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe.
- KOPCZYŃSKI, O., 1785. Układ Gramatyki dla szkół narodowych z dzieła już skończonego wyciągniony. Warszawa: W drukarni Michała Grölla.
- KOPCZYŃSKI, O., 1817. Gramatyka języka polskiego. Dzieło pozgonne. Warszawa: W drukarni Księży Pijarów.
- MAYENOWA, M. R., 1955. Walka o język w życiu i literaturze staropolskiej, wyd. II, Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy.
- ROSPOND, S., 1971. Ks. Onufry Kopczyński (1735–1817). Próba syntezy. Rozprawy Komisji Językowej Wrocławskiego Towarzystwa Naukowego. VIII, 3–39.

- RUDNICKI, M., 1921. Z dziejów polskiej myśli językowej i wychowawczej. Poznań: Nakład św. Wojciecha.
- SKULSKI, R., 1936. Z dziejów polonistyki lwowskiej. *Pamiętnik Literacki*, 33/1/4. 540–573. SZYLARSKI, W., 1770. Początki nauk dla narodowej młodzieży, to jest Gramatyka języka polskiego ucząca, a tym samym pojęcie obcych języków, jako: łacińskiego, francuskiego, niemieckiego, włoskiego i innych, ułatwiająca. Lwów: W Drukarni J.K. Mci i SSS. Troycy.
- ZWOLIŃSKI, P., 1956. Gramatyki języka polskiego z XVII wieku jako źródło poznania ówczesnej polszczyzny. *Poradnik Językowy*, z. 7, 251–260, z. 8, 310–321, z. 9, 356–369.
- Алла Андреевна Кожина, доктор филологических наук, профессор кафедры теоретического и славянского языкознания Белорусского государственного университета.
- Alla Kozhinowa, Doctor of Philology, Professor in Department of Theoretical and Slavic Linguistics of Belarusian State University.
- Alla Kožinova, filologijos mokslų daktarė, Baltarusijos valstybinio universiteto Teorinės ir slavų kalbotyros katedros profesorė.

СНОСКА

- 1 Здесь и далее цитаты приводятся, по возможности, в современной орфографии.
- 2 Здесь и далее перевод цитат с польского языка мой — А.К.